

Русские глазами врагов

«... Русские были такими всегда и, скорее всего, всегда такими останутся»

Из воспоминаний проигравших.

Дневник немецкого солдата, который воевал под Сталинградом, попал в плен, а в 1953-м, здоровый и счастливый, вернулся домой. Потом в Западной Германии был издан его дневник (ссылки на первоисточник не обнаружено).

Он пишет:

- «1 октября. Наш штурмовой батальон вышел к Волге. Точнее, до Волги еще метров 500. Завтра мы будем на том берегу и война закончена».
- «3 октября. Очень сильное огневое сопротивление, не можем преодолеть эти 500 метров. Стоим на границе какого-то хлебного элеватора».
- «6 октября. Чертов элеватор. К нему невозможно подойти. Наши потери превысили 30%».
- «10 октября. Откуда берутся эти русские? Элеватора уже нет, но каждый раз, когда мы к нему приближаемся, оттуда раздается огонь из-под земли».
- «15 октября. Ура, мы преодолели элеватор. От нашего батальона осталось 100 человек».
- А дальше:
- «Оказалось, что элеватор обороняли 18 русских, мы нашли 18 трупов».
- И их две недели штурмовал батальон (350-700 человек).

Из воспоминаний солдат и офицеров вермахта:

**«Боже мой, что же эти русские
задумали сделать с нами?
Мы все тут сдохнем!.. »**

1. Начальник штаба 4-ой армии вермахта генерал Гюнтер Блюментрит

«Близкое общение с природой позволяет русским свободно передвигаться ночью в тумане, через леса и болота. Они не боятся темноты, бесконечных лесов и холода. Им не в диковинку зима, когда температура падает до минус 45. Сибиряк, которого частично или даже полностью можно считать азиатом, еще выносливее, еще сильнее... Мы уже испытали это на себе во время Первой мировой войны, когда нам пришлось столкнуться с сибирским армейским корпусом».

«Для европейца, привыкшего к небольшим территориям, расстояния на Востоке кажутся бесконечными... Ужас усиливается меланхолическим, монотонным характером русского ландшафта, который действует угнетающе, особенно мрачной осенью и

«Русский солдат предпочитает рукопашную схватку. Его способность не дрогнув выносить лишения вызывает истинное удивление. **Таков русский солдат, которого мы узнали и к которому прониклись уважением еще четверть века назад**».

«Нам было очень трудно составить ясное представление об оснащении Красной Армии... Гитлер отказывался верить, что советское промышленное производство может быть равным немецкому. У нас было мало сведений относительно русских танков. Мы понятия не имели о том, сколько танков в месяц способна произвести русская промышленность.

Трудно было достать даже карты, так как русские держали их под большим секретом. Те карты, которыми мы располагали, зачастую были неправильными и вводили нас в заблуждение.

О боевой мощи русской армии мы тоже не имели точных данных. **Те из нас, кто воевал в России во время Первой мировой войны, считали, что она велика**, а те, кто не знал нового противника, склонны были недооценивать ее».

«Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои. Там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оставались недосыгаемыми. Они всегда пытались прорваться на восток... Наше окружение русских редко бывало успешным».

«От фельдмаршала фон Бока до солдата все надеялись, что вскоре мы будем маршировать по улицам русской столицы. Гитлер даже создал специальную саперную команду, которая должна была разрушить Кремль. Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось.

С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало...»

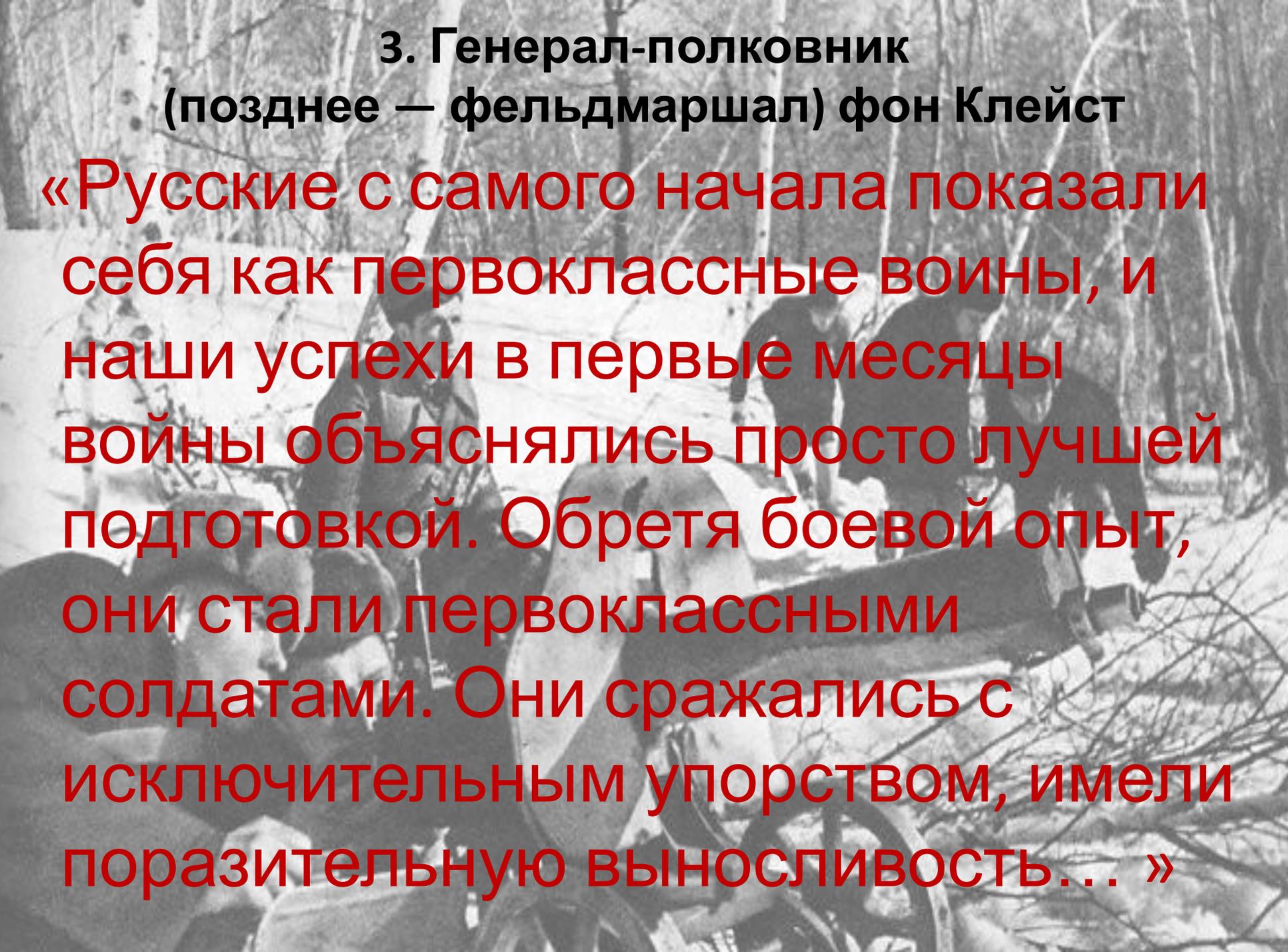
2. Из воспоминаний немецких солдат

«Русские не сдаются. Взрыв, еще один, с минуту все тихо, а потом они вновь открывают огонь...»

«С изумлением мы наблюдали за русскими. Им, похоже, и дела не было до того, что их основные силы разгромлены...»

«Буханки хлеба приходилось рубить топором. Нескольким счастливицам удалось обзавестись русским обмундированием...»

«Боже мой, что же эти русские задумали сделать с нами? Мы все тут сдохнем!.. »

**3. Генерал-полковник
(позднее — фельдмаршал) фон Клейст**

«Русские с самого начала показали себя как первоклассные воины, и наши успехи в первые месяцы войны объяснялись просто лучшей подготовкой. Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость... »

4. Генерал фон Манштейн (тоже будущий фельдмаршал)

«Часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются нам в плен, а после того как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибежали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат»

5. Дневник генерала Гальдера

«Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». (Запись от 24 июня — третий день войны.)

«Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека... Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей ит.п. в плен сдаются немногие». (29 июня — через неделю.)

«Бои с русскими носят исключительно упорный характер. Захвачено лишь незначительное количество пленных». (4 июля — неполные две недели.)

6. Фельдмаршал Браухич (июль 1941 года)

«Своеобразие страны и своеобразие характера русских придает кампании особую специфику.

Первый серьезный противник»

Райнгарт

«Примерно сотня наших танков, из которых около трети были Т-IV, заняли исходные позиции для нанесения контрудара. С трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских, но все было тщетно... Эшелонированные по фронту и в глубину русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду. Безо всякого колебания черный монстр проехался по танку и вдавил его гусеницами в грязь. В этот момент прибыла 150-мм гаубица. Пока командир артиллеристов предупреждал о приближении танков противника, орудие открыло огонь, но опять-таки безрезультатно.

Один из советских танков приблизился к гаубице на 100 метров. Артиллеристы открыли по нему огонь прямой наводкой и добились попадания — все равно что молния ударила. Танк остановился. «Мы подбили его», — облегченно вздохнули артиллеристы. Вдруг кто-то из

расчета орудия истончил голосом: «Он опять двинулся!»

8. Йозеф Геббельс

«Храбрость — это мужество, вдохновенное духовностью. Упорство же, с которым большевики защищались в своих дотах в Севастополе, сродни некоему животному инстинкту, и было бы глубокой ошибкой считать его результатом большевистских убеждений или воспитания.

Русские были такими всегда и, скорее всего, всегда такими останутся».